

УДК 130. 2

Семенова Екатерина Леонтьевна

заведующая кафедрой
Романо-Германских языков
МГТУ им. Н.Э. Баумана
milena.555@mail.ru

Semenova Ekaterina Leontyevna

Head of the Department of Romance and Germanic
Languages of Moscow State Technical
University named after N.E. Bauman
milena.555@mail.ru

**ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РАБОТЕ
О. ШПЕНГЛЕРА «ЗАКАТ ЕВРОПЫ»**

**LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT OF
SOCIAL REALITY IN THE WORK OF
O. SPENGLER "SUNSET EUROPE"**

В статье раскрывается понимание проблемы функционирования языка в социокультурном контексте на основе анализа классической работы О. Шпенглера «Закат Европы».

The article reveals understanding of the language functioning problem in the sociocultural context based on the analysis of the work by O. Spengler "Sunset Europe".

Ключевые слова: философия языка, языковая культура, социальная реальность, человеческое бытие.

Key words: language philosophy, language culture, social reality, human being.

«Язык является истинным средоточием человеческого бытия, если рассмотреть его исключительно в сфере, которую заполняет он один, – в сфере человеческого бытия друг с другом, в сфере взаимопонимания, согласия, которое столь же необходимо для человеческой жизни, как воздух, которым мы дышим»

Ганс – Георг Гадемер (Gadamer)

Во введении к основной работе своей жизни Освальд Шпенглер писал: «В этой книге будет сделана попытка определить историческое будущее. Задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшие судьбы той культуры, которая сейчас является единственной на земле и проходит период завершения, именно культуры Западной Европы, во всех её ещё не законченных стадиях...» [1, с. 6]

Не разделяя скептицизма О.Шпенглера и понимая, что поставленная им задача, вначале имевшая в виду ограниченную проблему современной цивилизации, расширяется по его словам до размеров совершенно новой философии – философии будущего, мы своей целью считаем попытку проанализировать «Закат Европы», исходя из современной социальной реальности и имея при этом ввиду настоящий этап процесса развития (может быть глобализации) языковой культуры.

Представляется целесообразным, прежде всего, хотя бы кратко, ответить на вопросы: Что такое социальная реальность в системе социальной философии? Какова роль языковой культуры в современной социальной реальности? Не имея единого основания для классификации (используется эвристическая типология, базирующаяся на субъективном наблюдении социальной реальности) можно выделить четыре модели социальной реаль-

ности: натуралистическую, деятельную, идеологическую, феноменологическую.(2, с. 58)

Основные идеи натуралистической модели сводятся к тому, что человек – одно из животных в ряду биосферы, общество – популяция биологического вида; культура, язык формируются внутри границ, которые обусловлены не социально, не духовно, а биологически; жест в коммуникации важнее языка; культура необходима как завершение природы; базовыми остаются биологические закономерности, культура – лишь их модификация.

По концепции деятельностной модели именно человеческая деятельность создает новую реальность, специфическую, принципиально не природную (сверх природную); источник общественных изменений находится в самом обществе, люди в процессе общественной жизни сами создают основы для ее изменения; в процессе производства средств жизни люди вступают в объективные, независимые от воли и сознания производственные отношения; возникает социальная реальность, которая не зависит ни от индивидуальных сознаний, ни от общественного сознания в целом, а наоборот определяет это сознание.

Идеалистическая модель основывается на том, что истинное бытие принадлежит не материи, а духовному началу, социальная реальность строится на базе вертикали, вертикальной устремленности к высшему, Абсолюту, Богу. В зависимости от трактовки самой сущности и природы идеального могут быть выделены направления, интерпретирующие идеальную субстанцию в качестве мирового разума, воли, чувства или веры.

Феноменологическая модель социальной реальности базируется на конструировании реальности, искусственной (социально ориентированной) природе. Модель отрицает «высшее»

по отношению к индивидам социального мира, существование которого не зависит от процессов его исследования, интерпретации и объяснения; социальная реальность творится и поддерживается сознаниями индивидов здесь и теперь. Для этой модели важны следующие обстоятельства: социальный мир прекращает свое существование, если ему отказано в человеческом признании, социальная реальность не обладает свойством существования вне человеческого признания.

В итоге целесообразно отметить следующее: упомянутые модели реальности комплексны, однако феноменологическая модель акцентирует подвижность, изменчивость социального бытия, зависимость его от сознания индивидов. Феноменологическая модель позволяет рассматривать конкретный опыт и пытаться описать его по возможности с минимальными искажениями и толкованиями.

Идеи О. Шпенглера скорее всего наиболее соответствуют последней модели социальной реальности. В своей работе он отмечает: «Вместо монотонности картины линейно-образной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее большинство противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования; у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. ... Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм». [1, с. 31]. Однако далее О. Шпенглером вводится глубоко продуманная система понятий и определений; ряд из них являются полностью оригинальными. Он считает, что необходимо установить точный смысл и отчасти новое значение некоторых применяемых основных понятий, метафизическое содержание которых само постепенно раскроется в ходе изложения, но точный смысл которых необходимо пояснить с самого начала.

Необходимым условием высшего мироздания О. Шпенглер признавал наличие языка, но не вообще какого либо человеческого языка, а языка культурного, каковой для первобытного человека еще не существует, а для ребенка хотя и существует, но недоступен, так как у обоих еще нет отчетливого

мышления о мире: имеется предчувствие, но никакого действительного познания истории и природы – у них нет культуры.

Еще на этапе синтеза системы понятий и определений О. Шпенглер выстраивает логическую (рациональную) последовательность: *миросоздание – культурный язык – возможная и действительная культура – история*; при этом используемые им универсалии (понятия) подразделяются на два блока: понятия, определяющие базисные структуры человеческого сознания, человеческой деятельности (пространство, время, движение, отношения, причинность, случайность и т.д.) и понятия посредством которых человек характеризуется как субъект деятельности (общество, сознание, красота, добро, зло, свобода и т.п.). Приведенные выше понятия и определения несут в себе черты всех упомянутых моделей социальной реальности, демонстрируя при этом их явную условность.

Непосредственно к вопросам, связанным с развитием языковой культуры О. Шпенглер обращается во втором томе «Заката Европы», который принес ему настоящее признание и славу. В разделе «Города и народы» он писал: «Можно ли сегодня отважиться на попытку написания морфологии культурных языков? Известно, что наука до сих пор даже не ставила перед собой такую задачу. Культурные языки – это языки исторического человека» [1, с. 865].

Ученый считал, что судьба языков протекает вне биологических временных рамок, она следует за органическим развитием строго определенных жизненных процессов. Культурные языки – это исторические языки. Это, в первую очередь, означает, что не бывает ни одного исторического события и ни одной политической организации, на которые бы не оказал влияние дух используемого в них языка и которые, в свою очередь, не оказали влияния на дух и форму этого языка.

По концепции О. Шпенглера после окончания ледникового периода на земле жили люди, а не народы. Их судьба поначалу определялась родством крови, образованием естественных групп и называлось это расой. Язык, поначалу представлял собой лишь неосознанные живые выражения, воспринимаемые посредством органов чувств, и постепенно развивающийся в сознательную технику сообщений, основанную на согласованном чувстве значения знаков. Происхождение, развитие и продолжительность расовой и языковой сторон в одном и том же населении совершаются абсолютно независимо друг от друга. Раса дает глубочайший смысл словам «время» и «стремление», а язык – «пространство» и «страх». [1, с. 811, 812]

Далее О. Шпенглер указывает на взаимосвязь языка и расы с двумя понятиями, позволяющими определить их истоки: «тотем» и «табу». «Тотем» и «табу» означают глубинный смысл существования и бодрствования, судьбы и причинности, расы и языка, времени и пространства, влечений и страхов, ритма и напряженности, политики и религии. У нас есть тотемные органы (органы кровообращения и размножения) и органы табу (чувства и нервы). Все, что относится к тотему, имеет лицо; все, что есть табу, обладает системой [1, с. 816].

Знаком, который дал возможность выделения будущих словесных языков из общих звуковых языков животных О. Шпенглер считал *имя*, понимая под этим звуко сочетание, которое служит для обозначения чего-то существенного, воспринятого органами чувств в окружающем мире. Вместе с именем возник новый взгляд на мир. Речь вообще родилась из страха, из необъяснимой робости перед фактами бодрствования, которая заставляет все существа тянуться друг к другу и чувствовать близость друг друга [1, с. 845]. Любопытно, что такой подход параллелен отношению к языку в конфуцианском учении. Великий китайский ученый Лунь Юй отмечал: «Если имена не правильны, то слова не имеют под собой оснований. Если имена не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают» [7, с. 161-162].

Но в понятие *имя* О. Шпенглер, видимо вкладывает более глубокий смысл. Он употребляет латинский термин *nimel* (кивок головы выраженный знак, мановение, воля, особенность бога) [1, с. 1352] а не *nomel* (имя). Он считал, что то понимание, в рамках которого появились первые имена, обусловлено альтернативой между видимым и не видимым. Возможно, первыми *nimelina* были явления мира, которые можно было ощутить, услышать, наблюдать их воздействия, но не увидеть. Весь мир света, в котором каждый предмет имеет свойства своего положения в пространстве и протяженности, получил бесчисленное количество имен и был, таким образом, закреплен в памяти. То, что мы сегодня называем памятью, это способность сохранять для понимания названное с помощью имен.

Опираясь на идеи В. Фон Гумбольдта, О. Шпенглер отмечал, что язык – это набор безжизненных знаков, а речь – это деятельность, оперирующая знаками. Она содержится в мелодике, ритме, ударе, окраске, звучании и словоупотреблении, произношении и сопровождающих жестах. Поэтому следует различать язык и речь (*Sprechen*).

Раскрывая проблему эволюции языка, он отмечал, что родина языка – это случайное место его образования, не имеющее никакой связи с его внутренней формой. Языки могут кочевать, передаваясь от одного племени к другому или переселяясь на новое место вместе с племенем. Может происходить обмен языками, и можно предположить, что такие случаи, когда раса меняла свой язык, в древней истории не редкость.

В анализируемой работе много интереснейших находок связанных с эволюцией языковой культуры (в части речи и письменности), с эволюцией таких категорий как падеж, местоимение, приставка, прилагательное, глагол и др.

О. Шпенглер выделял внутреннюю историю словесных языков, которая подразделяется на три стадии. На первой внутри высокоразвитых, но бессловесных языков сообщения появляются первые имена как величины понимания нового типа. Мир пробуждается как тайна. Возникает религиозное мышление. На второй язык сообщения постепенно обогащается грамматическими категориями. Жест становится предложением, а предложение превращает имена в слова. Предложение одновременно становится великой школой понимания в противовес ощущению. Наступает расцвет грамматики, который продолжается, вероятно, скажем это с большой осторожностью, около двух тысячелетий до начала египетских и вавилонских культур. Третья стадия характеризуется заменой грамматики синтаксисом. Дух настолько пронизывает человеческое бодрствование, что оно уже свободно обходится для сообщения едва заметными намеками в узком словоупотреблении (частицами, порядком слов, интонацией). В третью стадию истории языка, которая происходит на фоне биологического образа мира, где человек рассматривается как тип, вторгается история высоких культур, которая с помощью совершенно нового «языка расстояний», письменности и посредством власти ее внутреннего содержания совершает крутой поворот в судьбе словесных языков [1, с. 853-854].

О. Шпенглер предполагал наиболее вероятностные направления развития языка.

Во-первых, он доказал независимость языковой культуры от географического местоположения рас и народов. Он пишет: «Невозможно даже представить себе, каких результатов добьются ученые в 3000 году, если будут работать теми же методами с названиями народов и остатками языков, используя при этом понятие «природные» и «переселение народов». Все историки вместо истории народов писали историю имен, но у имени своя судьба, и они почти ничего не говорят о наро-

дах, так же как и языки, их перемещения, изменения победы и поражения. В этом заключается основная ошибка ученых, и прежде всего индогерманцев. На территории между Будапештом и Константинополем сегодня говорят на двух монгольских, одном семитском, двух античных и трех славянских языках, и каждое из этих языковых сообществ ощущает себя народом. Если, основываясь только на этом факте, попытаться реконструировать картину их переселения и расселения, то в результате будет получен странный продукт, основанный на неверных методах» [1, с. 873].

Во-вторых. Он считал, что власть внутреннего содержания письменности, как «языка расстояний», новые технологии влекут за собой появление (модификацию) новых письменных языков, в достаточной мере оторванных от разговорных языков. Языковая культура имеет понятийную направленность, ориентируется на выводы. Она работает над тем, чтобы максимально повысить диалектическую пригодность слов и предложений: так возникает все более растущее различие между рассудочным и общественным употреблением языка. Именно отсюда берет начало зрелый язык науки, который в западноевропейских языках, будь то немецкий, английский или

французский, еще и сегодня не избавился от следов своего происхождения из схоластической латыни [1, с. 868].

Таким образом, произведение О. Шпенглера «Закат Европы» можно считать вершиной концептуальных идей в синтезе истории культуры, особенно в развитии идей философии языка. Оно имело существенное влияние на развитие последующих философских теорий XX и начала XXI вв.

Философия жизни, лежащая в основе «Заката Европы» является выражением нового типа философствования, ставшего господствующим в европейской ментальности. Этот тип философствования характеризуется отказом от претензий на завершающее системосмысление мира и О. Шпенглер, разработавший богатейшую историческим содержанием концепцию, оказывается, прежде всего, философом современности.

О. Шпенглер совершенно справедливо отказался от идей всемирного единства истории и прогресса как общей направленности исторического развития. Культуры (в том числе языковые) возникают и уходят со сцены, но они равны по историческому значению и должны сопоставляться вне всяких оценочных категорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000.
2. Очерки социальной философии / под ред. К.С. Пигрова. СПб., 1998.
3. Новейший философский словарь. Минск, 1999.
4. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
5. Семенова Е.Л., Макаров А.Л., Никонова. Философия языка в контексте современного процесса глобализации // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Наука и культура России». Вып. 2. Философия: История и современность. Самара, 2008.
6. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2002.
7. Лунь Юй. Древнекитайская философия. Собрание текстов. М., 1972.